

Левитов Александр Иванович

АХОВСКИЙ ПОСАД

Степные нравы старого времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович Л.**
Аховский посад: Степные нравы старого времени / Левитов Александр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 101 с.

ISBN 978-5-519-92811-3

ISBN 978-5-519-92811-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АХОВСКІЙ ПОСАДЪ.

(СТЕПНЫЕ ПРАВЫ СТАРАГО ВРЕМЕНИ).

Очеркъ первый.

ГЛАВА I.

Улицы Аховскаго посада, будто бы нарочно убираемыя чьей-нибудь искусною рукой въ лившіеся на нихъ тонкіе лучи ранняго солнца, весело привѣтствовало тихо слетавшее къ нимъ воскресенье. Что-то въ высшей степени мягкое и покойное налетало на посадъ вмѣстѣ съ святымъ днемъ отдыха отъ будничныхъ неустанныхъ трудовъ, — носилось это что-то умиряющее одинаково свѣтло и радостно и надъ высокими кирпичными хоромами второ-гильдейскаго купца Василья Ильича Пестрыхъ, и заглядывало въ задымленныя окна угрюмо-уткнувшейся въ землю избушки стараго дьячка Селиверста Анапестова. На всемъ, что только видѣли глаза, лежали какіе-то необыкновенно радующіе, радужные цвѣты.

„Должно нонѣ въ Аховѣ воскресенье, али-бы-другой какой праздникъ“, справедливо предполагали камышинскіе торговцы солью, всегда забывавшіе въ своихъ постоянныхъ кочевьяхъ про то, какъ именно называется тотъ бѣлый, хорошій день, которымъ молчаливо и безсознательно любуется всякій человѣкъ, обязанный ѣхать не двое и не трое сутокъ, а цѣлые мѣсяцы. Сказавши такимъ образомъ,

Камышинцы порѣшили: „давай-ка и мы, братцы, помолимся кстати, — благо выдался такой случай хорошій“. И тутъ же молодцы Камышинцы распрягли лошадей на базарной площади, устали полукругомъ свои кибитки и отправились въ церковь, оставивъ при обозѣ кашевара съ тѣмъ, чтобъ онъ наварилъ имъ къ послѣобѣднѣмъ молочнаго, пшеннаго кулеша.

И опять на обожженные солнцемъ лица Камышинцевъ, на ихъ покрытыя бѣлою пылью кибитки, на усталыхъ коней и вообще на весь таборъ, вмѣсто обыкновенной печати труда и всякихъ лишеній, выносимыхъ только по долгой привычкѣ, легла радостная печать лѣтнаго воскресенья.

Отъ трехъ посадскихъ колоколенъ лежали длинныя, косыя тѣни, отчетливо отражались на дорогѣ ихъ прорѣзи и пролеты съ крутыми лѣстницами, съ зубчатыми деревянными крестами и елками, уставленными въ эти прорѣзи и пролеты на случай святовскихъ иллюминацій, со всѣми колоколами—и маленькими, которые тонкими, печальными голосками зовутъ къ печальнымъ похороннымъ или поминальнымъ обѣднѣмъ, — и большими, звучно гремящими окрестнымъ селамъ про наставшій праздникъ. Съверху и до низу расписанныя строгими лицами святыхъ подвижниковъ, обрамленныхъ длинными, сѣдыми бородами, съ золотыми вѣнцами на головахъ, поникшихъ долу въ благоговѣйныхъ мысляхъ, церкви эти, почти во всѣ дни обыкновенно запертыя и потому какъ бы неприступныя, теперь останавливаютъ на себѣ всякій глазъ мягкостію тѣхъ красокъ, которыя и на ихъ святую величавость наложило праздничное утро.

Крупныя, строго-славянскія надписи, испещрявшія своими черными, ломаными буквами церковныя стѣны, говоря о прошлой посадской жизни, полной безчисленными

пожарами, разореньями отъ своихъ разбойниковъ, погромами отъ Татаръ и всякими смутами, тяготами и бѣдами, выглядываютъ этимъ добрымъ утромъ какъ разъ въ ладъ всѣмъ этимъ мѣщанскимъ хороминамъ, мужицкимъ избамъ, разломаннымъ плетнямъ, раскрытымъ сараямъ, всегдашнюю сиротливость которыхъ расцвѣтилъ праздникъ, спустившійся съ всегда прекраснаго неба.

Не пугая, а какъ бы поучая посадскій народъ, черныя церковныя надписи говорили теперь, съ высоты ярко-выблѣвненныхъ стѣнъ, о прошедшемъ горѣ родной стороны, объ ея испытаніяхъ великихъ, о томъ, какъ крѣпкіе, старинные люди отстаивали Русскую землю и русскую честь, не поддаваясь „ни прелестнымъ рѣчамъ пришлыхъ сверху, отъ Москвы, разныхъ лиходѣйныхъ людей, ни лютому мечу злочестивыхъ, поганскихъ Татаръ“.

„И прииде князь татарскій Бетлибей-Мизгирь съ низу, изъ-подъ Шатцка, — рассказывала одна надпись, — и нападе съ ратью многою на селище. И бѣ въ селищѣ томъ воевода храбръ зѣло и нравомъ лютъ, подобяся дивію звѣрю. И возрыкаше воевода, егда услышалъ есть отъ вѣстникъ своихъ про нашествіе Бетлибеево, и рече воимъ предстоявшимъ: полоните мнѣ князя Бетлибея татарскаго, да узрю его живымъ и кровь изъ тѣла его идольскаго малыми каплями истощу. И изняли вои князя Бетлибея татарскаго, и предаде его воевода злой смерти, а по церкви сей, Спасъ-Преображеніе, въ крѣпости что, изстари зовомой, иконное писаніе и науку-гисторію въ лицахъ, съ позолотою и съ живописными хитростями, отъ Грекъ и иныхъ заморскихъ людей перенятыми, знатно пустилъ Тифинской Божіей Матери попъ Михайло Ангеловъ съ сыновьями: Михайломъ, Агаангеломъ; да Борисомъ, да Львомъ папою Рымскою, да Борисомъ же, по прозванію Могутайся, да Ильею, именуемымъ Ерусланъ, да съ мла-

дою дочерью Пульхеріей, яже сконча животъ свой дѣвичій на трудѣ Божіемъ, свержена будучи съ церковныхъ лѣсовъ нѣкакимъ молодымъ живописныхъ дѣлѣ подмастерьемъ Яковомъ Царскимъ, зане та дочь попа Михайлы Пульхерія на беззаконную любовь онаго Якова Царскаго отвѣща веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и драла того подмастерья за чупрунъ“...

— Лѣсъ! заговорила бѣлая церковь вѣковымъ дубамъ, выстроившимся на противоположной сторонѣ рѣки, — на твоей ли памяти случилась исторія та? Ты помнишь ли, старый, про Пульхерью-то, про дочь-то поповскую, что попъ Михайло на моихъ бѣлыхъ стѣнахъ написалъ?

— На моей памяти исторія случилась! отвѣчалъ лѣсъ, просыпаясь.

Безчисленныя капли свѣтлой росы осыпались, при этомъ отвѣтѣ, съ нестарѣющихъ кудрей лѣса; сѣдые туманы, будто нечаянно испугнутыя птицы, разлетѣлись тогда съ его могучей головы. Веселымъ такимъ и зеленымъ сдѣлался, всегда сердитый, старичина-лѣсъ, и принялся онъ, рѣдко когда смолкающій рассказчикъ, говорить съ окликнувшей его церковью.

— Какъ же не на моей памяти-то? говорилъ лѣсъ, зачамкавшій и засвиставшій въ это время милліонами голосовъ вмѣстѣ съ нимъ проснувшихся птицъ. — Я эту Пульхешу-то, Михайлину дочь, зналъ вотъ какъ! Все равно какъ тебя теперь, Господнюю бѣлую церковку, вижу, такъ и она мнѣ, Пульхеша эта самая, сейчасъ представляется. Я самъ изъ-за рѣки видѣлъ, хоть въ тѣ поры, признаться, я очень уже на одинъ глазокъ ослѣпши былъ, какъ ее злодѣй, Яшка Царскій, съ лѣсовъ сковырнулъ. Лѣса тѣ построены были вокругъ твоей главушки, — крестъ въ нее водружать собирались. Ну, а Пульхеша-то по главѣ по твоей серебряныя звѣзды жи-

вописью пушала. Онъ ее оттуда и шарахнулъ: „потому, говоритъ, ежели ты мнѣ не досталась, красная дѣвка, такъ не доставайся же ты никому. Силенъ былъ въ тѣ времена народъ, гнѣвенъ и крутъ: за всякую обиду дрались другъ съ другомъ смертнымъ боемъ — либо ножами вострыми, либо кистенями тяжелыми, потому въ глухихъ степяхъ и лѣсахъ нашихъ судовъ тогда даже званія не было. Такъ развѣ кое-когда наѣдетъ подъячій изъ города, пристращаетъ огнищанъ царскихъ, соберетъ съ нихъ кое-чего по мелочи — и опять къ себѣ домой въ *крѣпость* укатить...

— Какъ же мнѣ не помнить-то этого? передавало церкви тихое утро неслышными людямъ рѣчи лѣвеныя. — Не Богъ знаетъ какая старина: всего-то, можетъ, этой старинкѣ годововъ какихъ-нибудь сотни съ двѣ прошло. Мы, матушка ты моя, съ покойникомъ Михайлой-попомъ большими друзьями считались. Мущина былъ ростомъ въ косую сажень; лица его подъ черными, какъ уголь, волосами совсѣмъ не было видно, а горѣли только одни желтые глаза, да сурьезнился большой, горбатый носище. Всю весну, цѣлое лѣто и осень я его, бывало, ни подъ какимъ видомъ изъ моихъ тихихъ хороминъ не выживу. Надоѣстъ онъ мнѣ, бывало, шатаючись по моей тихой избѣ и въ полночь и за полночь, такъ я въ него свистомъ лѣшачинымъ пушалъ, сотней волковъ на разные голоса жестоко взывалъ, медвѣдя ему представлялъ на заднихъ лапахъ, съ большимъ дубьемъ на плечѣ; но попу Михайлѣ все нипочемъ. Сниметъ онъ только съ головы плисовую шапочку, съ нашитымъ на ней парчевымъ крестикомъ, — и опять за свое: травку-муравку рветъ, ягоды, какихъ люди не ѣдятъ, собираетъ, а самъ все что-то про себя бормочетъ. На шеѣ у него, дружокъ, вмѣстѣ съ чугуннымъ крестомъ, на черномъ, шелковомъ

гайтанѣ висѣла мѣдная чернильница, съ крылатыми, узорочными змѣями по бокамъ, а въ чернильницу орлиное перо воткнувши было. Такъ вотъ я, старикъ одинокій, и привыкъ къ нему, Михайлѣ, и полюбилъ его. Да его, братъ ты мой милый, всѣ люди любили. Его самъ царь Петръ Алексѣевичъ, отпускаячи изъ Москвы съ барономъ Розовымъ въ нашу глушь, цѣловалъ. Цѣлуячи попа въ уста прямо, царь Петръ спрашивалъ у него: „попъ Михайло! Хоша и въ Москвѣ ты мнѣ, по своей грамотѣ, надобенъ, но отпускаю тебя въ лѣсъ-дуброву, въ Липецы, чугунную руду копать и надъ стройкой, къ примѣру, моихъ царскихъ кораблей приглядывать. Скажи же мнѣ, попъ Михайло, какъ ты въ той лѣсъ-дубровѣ орудовать станешь?“

Отвѣчалъ царю попъ Михайло:

— „А стану я, ваше царское величество, въ той лѣсъ-дубровѣ орудовать — кое мѣсто крестомъ, а кое — пестомъ...“

— Принялся царь цѣловать попа за такой его отвѣтъ пуще прежняго и на дорогу ему изъ своихъ рукъ три голландскихъ червонца отвалить изволилъ. Такъ-то вотъ! Попадья Михайлина тѣ червонцы въ свое приданое—янтарное ожерелье внизала, и я самъ видѣлъ на попадѣ царскія деньги, когда въ Троицынъ день она, бывало, приходила ко мнѣ, вмѣстѣ съ сельскими дѣвками и бабами, вѣнки завивать. Да што? Ежели тебѣ разказать-то все... Вѣдь ты на моихъ глазахъ и созидалась-то Михайлой попомъ. Изъ моихъ трущобъ попъ Михайло и прихожанъ-то твоихъ помаленьку понабралъ. А допрежь тебя, на твоёмъ мѣстѣ, стояло на бережку строеньице одно маленькое—избушечка кирпичная, не бѣленая, соломою крытая; въ ту солому деревянный крестикъ былъ воткнутъ; а

звали-то махонькое строеньеце часовенкой Божьей, — вотъ тебѣ и вся недолга!...

— Въ эти давнишнія времена шло къ намъ отъ часовенки той утѣшеніе большое, потому на окошечкѣ у нея, въ уголушкѣ темномъ, стояло старинное, изъ чернаго дерева, самой аккуратной работы, изображеніе Спасителя; какъ, кѣмъ и когда оно завезено къ намъ въ лѣсъ — одному Богу да Царицѣ небесной извѣстно. И было то изображеніе одѣто въ погребальныя бѣлыя пелены, длинныя такія и широкія, что складки отъ нихъ шли по всему окну часовни и потомъ на полъ падали. Головку Спасову окружалъ терновый вѣнецъ. Изъ жести тотъ вѣнчикъ былъ сдѣланъ однимъ нашимъ мужичкомъ, который, ходивши на поклоненіе къ Сергію-Троицѣ, выучился въ тамошней обители тихой такіе вѣнцы дѣлать: ободокъ вѣнца черною краскою былъ вымазанъ, а изъ ободка кнаружи торчали сѣрые, чешуйчатые хвосты змѣй, которыя острыми, красными языками впились въ голову Божьяго Сына... Какъ только Господь Богъ батюшка такія дѣла попускаетъ!

Недоумѣніе старика-лѣса относительно могочисленныхъ и простому, человѣческому уму непонятныхъ скорбей, которыя допускаются Господомъ Богомъ на несчастную землю, разбито было въ это время мощными колокольными звуками, поколебавшими разговаривающій съ лѣсомъ храмъ, отъ самаго его широкаго основанія до святыхъ крестовъ, чуть видныхъ въ сизыхъ, утреннихъ туманахъ. На эти звуки откликнулись колокола двухъ другихъ посадскихъ церквей: сначала ударили въ „соборѣ“. И хотя, по общепринятому во всей Россіи обычаю, соборный колоколъ долженъ и ранѣе, и голосистѣе подвѣдомственныхъ ему голосовъ возвѣщать наступленіе радостныхъ, праздничныхъ дней, но въ настоящемъ случаѣ дѣло произошло

иначе: соборный благовѣстъ былъ предупрежденъ благовѣстомъ приходскимъ, и предупрежденъ такъ, что двухсотпудовый басъ приходскаго колокола, гремя надъ лѣсными, зарѣчными дубровами и даже какъ бы волнуя ихъ, насквозь пронизывалъ дремучія чащи и будилъ ихъ; между тѣмъ какъ жидкій, металлическій теноръ, пѣвшій съ соборной колокольни, падая мелкою рябью волны широкой рѣвки, тонулъ тамъ, и только рѣдкія его ноты перелетали черезъ рѣку, достигая такимъ образомъ до заповѣдныхъ чащей лѣсныхъ, гдѣ навсегда и замиралъ ихъ, какъ бы на что-то жалующійся, стонъ.

По поводу этихъ двухъ различныхъ колокольныхъ голосовъ въ зарѣчныхъ и залѣсныхъ деревняхъ, которыя не имѣли своихъ церквей, проснувшіеся мужики и бабы освѣщали сѣрую, предутреннюю мглу своихъ избъ тонкими свѣчками изъ желтаго воска. Тогда изъ этого свѣта выступали предъ благоговѣющими глазами хозяевъ избъ сумрачные лики иконъ, тускло сверкавшихъ золотыми полинялыми вѣнцами. Предъ ними хозяева, чаще всего колѣнопреклоненные и повергнутые ницъ на земляной полъ, совершали тихія молитвы, перемѣшивая очень часто святыя молитвенныя слова такого рода суетными возгласами:

— Не колоколъ у Спаса-Преображенія, а благодать!... Приидите поклонимся и припадемъ... Съ нимъ, съ батюшкой, заутрени не проспийшь, — небойсь! Эна какой онъ отецъ — голосистый! Ко Христу, царви и Богу нашему... Не то, что въ соборѣ! Очищающаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія... Тюкаютъ, тюкаютъ въ соборѣ-то — словно не въ посадѣ, а въ селишкѣ какомъ немущемъ...

Въ самомъ посадѣ, въ группѣ Камышинцевъ, расположившихся на паперти еще не отпертой церкви, также примѣчалось очень оживленное стараніе уяснить себѣ причи-

ну необыкновеннаго въ степныхъ губерніяхъ явленія: такіе тихіе звуки несутся съ соборной колокольни, — опоздавшіе звуки, больные, жалобные, надтреснутые; между тѣмъ какъ приходская церковь первая заставила вздрогнуть спавшія окрестности и продолжаетъ неотступно громко будить ихъ и призывать къ бодрственной встрѣчи наставшаго праздника.

— Однако порядки въ Аховѣ! слышится между Камышинцами насмѣшливый голосъ.—Соб-боръ, и теперича вдругъ — во вторыхъ!.. Хе-хе-хе-хе! Да я отъ роду моего такихъ порядковъ не видывалъ, а на свѣтѣ годовъ побольше съ полста успѣлъ преканючить...

— Да ты што? отзывается на эту рѣчь другой человѣкъ, уже негодуя.—Ты вслушайся въ голосъ... Подобаеть рази такой голосъ собору—а?..

— Не будемъ про то толковать, что слабъ на звонъ колоколъ, потому, можетъ, прихожане—бѣднота, али скареды, — настоящаго колокола осилить не могутъ; но я такъ къ тому собственно заговорилъ, что соб-боръ — и вдругъ теперича—во втор-рыхъ... Хи-хи-хи-хи! На бахчахъ такъ-то можно спать, а соборнымъ-то, пожалуй, и грѣшновато, будто-бы, будетъ... Такъ ли я говорю? Хи-хи-хи-хи! Вотъ такъ соборные въ Аховѣ!..

Къ паперти приходской церкви въ это время бойко подкатила пролетка, запряженная парой породистыхъ жеребцовъ, — пролетка, звонко гроыхавшая желѣзными винтами и скрипѣвшая плохо смазанными колесами. Съ пролетки, вплоть причалившей къ каменной церковной паперти, юрко соскочилъ какой-то маленькій человѣчекъ, который, на подобіе птички, взлетѣвъ на паперть, тотчасъ же схватилъ съ себя картузь и упалъ ницъ предъ строгими изображеніями Зосимы и Савватія, стоявшими по обѣимъ сторонамъ церковныхъ дверей. Кратковременная,

но, видимо, жаркая и порывистая молитва юркаго чело-
вѣчка дала возможность стоявшимъ на крыльцѣ Камышин-
цамъ рассмотреть сквозь утреннюю мглу, что чело-
вѣкъ былъ одѣтъ въ сянью, самого дорогаго московскаго сук-
на, чуйку, съ большимъ воротникомъ изъ гранатнаго бар-
хата, подпоясанную узорчатымъ бухарскимъ кушакомъ.
Сапоги на чело-
вѣчкѣ были козловые, ярко блестяшіе,
трубою, которые, когда чело-
вѣчекъ всталъ, издали мягкій
и нѣжный скрипъ; гранатный бархатный воротникъ подъ-
ѣхавшаго мѣстами блестялъ яркимъ свѣтомъ отъ развѣ-
шенной по немъ толстой золотой цѣпочки. Выраженіе
необыкновенной озабоченности и тоненькія, но серьезныя
и даже, какъ будто, злыя морщины лежали на вострень-
комъ личикѣ чело-
вѣчка, заканчивавшемся, такъ сказать,
у одного полюса розоватою лысинкой, а у другаго—жид-
кой и, какъ смоль, черною бороденкой, которая, не-смот-
ря на всю ея ничтожность, придавала всему личику ха-
рактеръ суровой и непобѣдимой злости, готовой во вся-
кую минуту столкнуть съ своей дороги встрѣчныя пре-
пятствія, какъ бы они ни были сильны.

По всѣмъ этимъ признакамъ Камышинцы скоро узнали,
что распростертый предъ Зосимомъ и Савватіемъ чело-
вѣчекъ есть не кто другой, какъ аховскій хлѣбный тор-
говецъ, у котораго находится безчисленное множество
хлѣбныхъ складовъ въ Москвѣ, въ приходѣ Нико-
лаицкаго. Слава объ этомъ купцѣ, неустанно шатаясь по
степнымъ городамъ и селамъ, очень часто доходила до
Москвы и даже временами залетала въ самый, какъ гово-
рили въ Аховскомъ посадѣ, въ „Сантпитинбурхъ.“ Во
всѣхъ этихъ мѣстностяхъ юркій чело-
вѣчекъ былъ извѣстенъ
подъ именемъ Ильи Сидорыча. Узаконенная и унаслѣ-
дованная отъ предковъ фамилія Ильи Сидорыча—Черноло-
бовъ—была рѣшительно позабыта всѣми людьми, имѣю-